

УДК 177:17.03

ПРОБЛЕМА ДЕКОНСТРУКЦИИ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОГЕНЕЗА

Канд. филос. наук, доц. МУШИНСКИЙ Н. И.

Белорусский национальный технический университет

Философское осмысление проблемы справедливости приобретает особую актуальность в современных условиях. В конце XIX – начале XX в. технический прогресс вступил в новую фазу. Быстрое развитие путей сообщения, создание принципиально новых, на порядок более эффективных средств транспорта (паровоз, паропход, автомобилестроение и т. п.) и средств связи (телеграф, телефон, радио, телевидение, в конце XX в. – Интернет-технологии) объединили человечество, привели к столкновению цивилизаций, контакты между которыми до этого носили случайный, фрагментарный характер. Нравственная неготовность к равноправному взаимовыгодному сотрудничеству способствовала росту конфронтации. Под лозунгами расширения и восстановления справедливости создавалась колониальная система и развивалось национально-освободительное движение, велись мировые войны и локальные вооруженные конфликты, осуществлялось ракетно-ядерное противостояние в эпоху «холодной войны». Гонка вооружений, борьба за первенство в сфере военных технологий не позволяли затрачивать значительные средства на охрану окружающей природной среды, что вело к неизбежному обострению экологической проблемы. В начале третьего тысячелетия к этому добавились трудности глобализации и появление международного терроризма. Наметился кризис традиционной рациональности, когда в целом положительный научно-технический прогресс частично выходит из-под контроля, порождает неограниченное господство военно-промышленного комплекса, усиливает неравенство между странами и народами, способствует росту агрессивности и взаимного неприятия. Возникла необходимость радикальной деконструкции подобного одностороннего рационализма, с чем ряд известных мыслителей современности связыва-

ет дальнейшую реализацию принципов справедливости.

Все побочные результаты спонтанного, бесконтрольного и никем не управляемого прогресса науки и техники, ставящие под сомнение будущее человеческой цивилизации, и даже само ее существование, постмодернистская философия рассматривает под рубрикой «логоцентризма» [1]. Она выдвигает идею «деконструкции», стремясь тем самым сгладить возникшие противоречия, дать человечеству возможность выбора тех или иных более благоприятных путей дальнейшего развития с учетом всего многообразия существующих концепций и точек зрения. Ж. Деррида, сформулировав понятие деконструкции и осуществив его философско-теоретическую интерпретацию, позволил тем самым ряду мыслителей непосредственно отождествить этот термин с нравственно-этической категорией справедливости [2]. Именно опровержение одностороннего рационализма, связанного с военно-промышленным комплексом, ведущего социум по пути дальнейшей конфронтации, углубления экологического кризиса (против чего и направлены, в первую очередь, движение антиглобалистов [3] и другие аналогичные течения), трактуется как новое воплощение справедливости в современных условиях.

Некоторые современные мыслители, исследующие творчество представителей постмодернизма, отмечают практическую значимость принципа деконструкции с точки зрения решения проблем, порожденных вторичными, не предусмотренными последствиями развития науки и техники. Речь, разумеется, не идет о каких-либо насильственных мероприятиях, направленных против представителей государственной власти или общественных групп, связанных с новыми технологиями. Проблема

рассматривается в плоскости преобладающих мировоззренческих установок. Делается вывод о том, что человечество сможет успешно продолжить свое существование только в том случае, если сумеет изменить агрессивную потребительскую позицию относительно окружающей природной среды и экономически отсталых регионов, сформировавшуюся в период Нового времени («классическая эпоха», начало промышленного переворота и глобального противостояния между развитыми странами) и сейчас явно устаревшую. Именно с деконструктивистской трактовкой вопроса о справедливости связывает этико-политическую упорядоченность общества будущего Э. Левинас [4]. На этом же в контексте постмодернистской интерпретации понятия справедливости строится футурологический прогноз Ж.-Ф. Лиотара [5], приобретающий, как отмечают исследователи его творчества, особую актуальность в начале третьего тысячелетия.

Ключевое для постмодернистской концепции понятие «логоцентризм» включает совокупность научно-рационалистических построений, отстаивающих свой приоритет перед другими типами «дискурса» (авангардным искусством, неорелигиозными верованиями и т. п.), претендующих на обладание «единственно правильной научной истиной», адекватное отражение «объективной реальности». Его современный смысл, по мнению «классиков» постмодерна, исторически начал выявляться и прошел процесс своего становления в эмпирических теориях Ренессанса и Нового времени, немецкой классической философии, диалектико-материалистических учениях, новейших позитивистско-сциентистских концепциях. Логоцентризм порождает в мировоззрении ложные образы, не отражающие действительность, а только «симулирующие» ее. По времени «сменилось три порядка симулякров: подделка составляет господствующий тип классической эпохи от Возрождения до промышленной революции; производство составляет господствующий тип промышленной эпохи; симуляция составляет господствующий тип нынешней фазы, регулируемой кодом. Симулякр первого порядка действует на основе естественного закона ценности, симулякр второго порядка – на основе рыночного закона стоимости, симулякр третьего порядка – на основе структурного закона ценности» [6]. Рассматривая этот процесс с точки зрения «археологии гуманитарных наук» [7], философия постмодерна указывает на то, что эпоха Ренессанса характеризовалась тождеством слов и вещей (слово – символ); в

классической эпистеме (естествознание XVII–XVIII вв.) слова и вещи начали соотноситься через мышление (слово – образ); в настоящее время они опосредованы языком (слово – знак).

На этой основе массовая культура и государственная пропаганда создают многочисленные мифологемы. В качестве примера Р. Барт называет миф о «марсианах», когда в условиях глобального противостояния «западная мифология приписывает коммунистическому миру ту же чужеродность, что и какой-нибудь планете: СССР – это мир, промежуточный между Землей и Марсом» [8, с. 67]. Для современной логоцентристской мифологии «одна из устойчивых черт... – это неспособность вообразить себе Другого. Инакость – понятие, к которому «здравый смысл» испытывает более всего неприязни» [8, с. 68–69]. Подобный искаженный рационализм утверждает ситуацию «монолога», при которой «научный» дискурс вещает «высшую истину», отстаивает «подлинную справедливость», заглушая своим «голосом» все остальные точки зрения («фоноцентризм»), противостоит им как «древесная» структура сознания в рамках соответствующих «бинарных оппозиций» (как ствол дерева – ветвям и листьям, чему-то второстепенному).

С точки зрения гендерной проблематики, эквивалентом логоцентристского дискурса справедливости является понятие «фаллоцентризма». Постмодернизм как философское направление тесно связан с феминистским движением [9], которое трактуется не только в социологическом смысле (по мере того, как тяжелый физический труд в структуре общественного производства уходит в прошлое, женщина получает возможность самостоятельно зарабатывать средства к существованию, начинает обоснованно требовать равноправия с мужчинами во всех областях социальной жизни), но и подвергается углубленной теоретической интерпретации с использованием элементов фрейдовского психоанализа. Научно-рационалистический подход, связанный с господством военно-промышленного комплекса, является преимущественно прерогативой «мужского сословия». В психологическом плане мужчинам присущи проявления сексуально агрессивного поведения, которые сочетаются с пренебрежением к чувственно-эмоциональному личностному своеобразию Другого, тяготением к абстрактно-логическому унифицированному стереотипу справедливости.

Подобный дискурс начал формироваться в глубокой древности, когда женское, материнское начало, связанное с функцией деторжде-

ния, приобрело предикат табуации, отвращения, позора, мистического ужаса. В авторитарных обществах «попытке установить мужскую фаллическую власть сильно угрожает не менее решительная власть другого, угнетенного... пола. Этот другой пол, женский, становится синонимом радикального зла» [10, с. 107]. В рамках лого- и фаллоцентризма органически формируется репрессивный тип справедливости, связанный с фрейдовскими структурами «Я» (сознание, рационально-логическое мышление) и «Сверх-Я» (моральные и религиозные запреты, препятствующие свободному выражению бессознательных инцестуальных желаний – «Оно»). В частности, уже в ветхозаветных библейских текстах божество принимает соответствующее наименование; обращаясь через Моисея к народу, неоднократно повторяет «Я – Яхве, Бог ваш». Именно «от имени «Я»... далее следуют... моральные запреты: справедливости, честности, правды» [10, с. 140]. Эта тенденция продолжается и в христианстве, где «понятие греха, в большой степени основанное на идее воздаяния... предлагается... Справедливость, Благо и Умеренность» [10, с. 157–158], непосредственно подводит субъекта к «вратам инквизиции», олицетворяющим репрессивно-теологическую функцию справедливости.

Эпоха ренессансного «гуманизма» в лице Босха, Брейгеля, Дюрера, других деятелей искусства и культуры вносит свой вклад в ощущение негативной антитезы Другого, создает художественный образ инаковости через апокалиптические ожидания конца света, причудливую «алхимию знания», противостоящую освобожденному звериному тварному началу в человеке. Переход мыслителей Возрождения от теологической проблематики к рассмотрению проблемы человека ничего не меняет с точки зрения авторитарного характера справедливости: на смену понятию греховности приходит трагический образ безумия мира, которое нуждается в изоляции подобно эпидемиям чумы и проказы в эпоху средневековья. Ненормальность, сумасшествие, воплощенное в мирских пороках, олицетворяется в таких художественных произведениях, как «Корабль дураков», «Похвала глупости», «через Бранта, Эразма, через всю гуманистическую традицию безумие осваивается сферой дискурса... Оно исчезает, едва обнажается главное... справедливость и истина» [11, с. 47–48].

Отождествление инаковости и безумия, одинаково якобы нуждающихся в изоляции, наказании и исправлении с позиций патерналистской логоцентристской «справедливости», на-

ходит дальнейшее выражение в эпоху Нового времени. М. Фуко в своей фундаментальной работе приводит многочисленные исторические примеры XVII–XVIII вв., когда обитателями лечебных учреждений, организованных по принципу тюрьмы, наряду с умалишенными, являлись вольнодумцы, атеисты, «либертины» (в духе маркиза де Сада), «отцы-расточители», «неблагодарные сыновья», мошенники, «лица, отказывающиеся посещать католическую мессу», «сочинители проектов» и т. п. Ко всем ним применялись промывания желудка, кровопускания и другие «оздоровительные процедуры», призванные через угнетение телесности исправить неадекватный образ мыслей. Особое место занимают маргинальные представительницы женского пола: «старухи», нищенки, «девицы легкого поведения»; любое отклонение от буржуазной системы ценностей несет на себе печать «инакомыслия» и «ущербности ума», несовместимую с принципами авторитарной справедливости (в условиях социальных потрясений начала промышленной эры к ним прибавятся «неработающие бедняки», «неимущие» и т. п.). «Как ни странно, именно рационализм допустил, чтобы наказание смешалось с лекарством, а жест карающий... с жестом врачующим... Принуждение, изобретенное людьми, помогает свершиться божественной справедливости» [11, с. 102].

Все это сопровождается окончательным становлением позитивистского дискурса, системы формализованного унифицированного научного знания. В современных условиях через соотнесение инаковости с предметом научной психиатрии «мы без особого труда обретаем... счастливое сознание того, что существует историческая справедливость, а с другой стороны – что медицина вечна и бессмертна» [11, с. 131]. Более того, применительно к реальным психическим больным фаллоцентристский дискурс справедливости наделяется целебной функцией. Смягчение режима лечебных учреждений (сравнительно с «классической» эпохой), формирование духа «братского» содружества больных и администрации, подчиняющихся авторитету директора (образ справедливого Отца), призвано иницировать мифологему патриархальной семьи: «Попав в атмосферу взаимной любви, требовательности и справедливости, больные обретут то покойное счастье и безопасность, которые может дать лишь семья в чистом виде» [11, с. 465]. Однако все логоцентристские попытки научно классифицировать безумие и устранить его из общественной жизни оказались обречены на провал. История XX в. показала, что безумие в конеч-

ном итоге одержало верх над разумом, вырвалось на свободу, через массовую культуру и тоталитарную идеологию проникло в общественное сознание, подчинило себе саму науку и технологию. Тем не менее, логоцентризм и фаллоцентризм догматически настаивают на своей правоте и исключительности, чем задают импульс в рамках современной техногенной цивилизации к развитию односторонней ущербно-фанатичной трактовки справедливости.

С точки зрения постмодернистского феминизма, в настоящее время все стороны общественной жизни (экономика, политика, международные отношения) несут на себе печать мужского шовинизма, что приводит к эскалации немотивированного насилия [12]. Возникает эпистемологический образ унифицированного линейного пространства: «Фаллос... подобно плугу, вспахивающему плодородный слой земли, – прочерчивает линию на поверхности» [13, с. 264]. Такого рода нарративная линейность, основанная на прерогативе «научности» и культе грубой силы, принципиально не допускает существования каких-либо иных, столь же адекватных трактовок справедливости.

В то же время в отличие от однобокой мужской логики, стремящейся к подавлению любого инакомыслия, эмоции и чувства, присущие женской натуре, допускают большую гибкость, избирательность, изменчивость, возможность непосредственной реакции на любое конкретное изменение обстоятельств. Различные эмоциональные оценки происходящего вполне могут мирно уживаться вместе, поэтому, делает вывод постмодернистская философия, для современного человечества, озабоченного преодолением последствий глобального противостояния, экологического кризиса, стремящегося к достижению мирного сосуществования отдельных рас и цивилизаций во всем их многообразии, обеспокоенного опасностью международного терроризма, женский тип психики является предпочтительным, в большей степени способствует реализации принципов справедливости.

В онтологическом плане логоцентризм догматически искажает понятие объективной реальности, претендуя на окончательное обладание ее «научно» постигаемым глубинным смыслом. Поисками этой «логики смысла» занята вся классическая философия, весь западноевропейский рационализм, начавший свое развитие в эпоху античности в лице Платона с утверждения объективно истинной, трансцендентной, умопостигаемой «идеи справедливости», и завершившийся в современную эпоху

абсолютизацией военно-промышленного превосходства в отношениях между странами и народами. Представители постмодернизма уделяют особое внимание критике «логики смысла», «низвержению платонизма», ссылаясь при этом на философию Ницше, и даже еще раньше – на Канта и Гегеля. Поиск глубинного линейного смысла предполагает сложную систему «научных» классификаций и градаций, которые, в конечном итоге, оказываются симуляцией реальности: «Симулякры – нечто вроде ложных претендентов, чьи претензии строятся на несходстве, заключающемся в сущностном извращении» [13, с. 332–333]. Отсюда, как указывает Ж. Делез, берет начало знаменитая триада неоплатоников: непричастное, сопричастное, участник (основание, объект притязания, претендент; отец, дочь, жених). «Непричастное отдает сопричастное для участия, оно предлагает сопричастное участникам: Справедливость, свойство «быть справедливым» и справедливый человек» [13, с. 199]. Подобная изощренность логического мышления в XX в. приобретает характеристики имморализма: в контексте порожденного техническим прогрессом глобального противостояния каждый из его участников формулирует выгодную только для себя «единственно правильную», «научно обоснованную» трактовку справедливости, отстаивая ее с позиции силы. В результате, «что действительно аморально, так это употребление этических понятий типа справедливое – несправедливое» [13, с. 199], способное поставить цивилизацию на грань самоуничтожения.

В современных условиях господство логоцентризма ведет человечество в тупик, становится опасным для его существования. Склонность стран, развитых в военно-техническом отношении, навязывать с позиции силы свою точку зрения всем остальным, не считаясь с многообразием национальных особенностей и культурных традиций, стремление закрепить социальное неравенство, низкий уровень жизни отсталых регионов порождают взаимное отчуждение. В недавнем прошлом это выражалось в глобальном ракетно-ядерном противостоянии, в начале третьего тысячелетия – в немалой степени способствует развитию международного терроризма, который при интенсивном совершенствовании средств массового поражения угрожает всему человечеству. Само понятие «террора» (ужаса) с его диалектической антитезой – футуристической экзистенциальной «веселостью» составляет суть эпохи постмодерна [14]. С ним связан ряд других важнейших проблем новейшего времени: негативные демогра-

фические тенденции [15], интеллектуальная деградация общества потребления с его соблазнами и репрессивной функцией массовой культуры [16]. Все это настоятельно требует переориентации технического прогресса, новаторских социальных решений, отказа от устаревших трактовок справедливости.

Поэтому в недрах современной духовной культуры, указывают представители философии постмодернизма, вызревают тенденции деконструкции, призванные ниспровергнуть мировоззренческий приоритет логоцентризма, реализовать подлинный, адекватный современности смысл справедливости. Принципы деконструкции затрагивают все стороны общественных отношений, предполагают изменение роли гуманитарного знания, касаются более широкого применения информационных технологий, профилактики наркомании, алкоголизма и т. п. [17]. Решение всей совокупности конкретных социальных проблем предполагает выработку обновленной, более толерантной концепции справедливости.

Постмодернистская концепция деконструкции предполагает отказ от приоритета «научно-образного» стиля мышления в современном мире. Наука, способная в своем безудержном стремлении к достижению военно-технологического превосходства весьма далеко отклониться от подлинной справедливости, должна быть дополнена другими мировоззренческими структурами, которые до этого занимали подчиненное положение на периферии техногенной цивилизации, носили маргинальный характер. Сюда относятся основные виды и жанры авангардного искусства, неорелигиозные течения, занятые поисками обновленной возвышенной духовности, призванной объединить человечество, спасти его в условиях глобального кризиса, и т. п. Справедливость требует, чтобы между ними осуществлялось равноправное взаимодополняющее сотрудничество, чтобы подавление со стороны «позитивной науки» было окончательно преодолено.

Соответствующим образом должна измениться социальная структура. Творческая интеллигенция, ее наиболее маргинальные представители – свободные художники-авангардисты, литераторы-футурологи и т. п., должны войти в элиту общества наряду с бизнесменами, предпринимателями, руководителями транснациональных корпораций, учеными, связанными с военно-промышленным комплексом. Подобные изменения социальной стратификации, по мысли представителей философии постмодерна, в большей мере соответствуют интересам

всего человечества. Именно такого рода обновленная элита сможет вывести его из тупикового пути радикального техногенеза, обеспечить дальнейший прогресс, преодоление глобальных проблем современности, более успешно реализовать принципы социальной справедливости.

С этой целью в рамках концепции деконструкции предпринимается всесторонний пересмотр места и роли научно-технической информации в жизни современного человечества. Вся духовная и материальная культура, созданная на протяжении исторического процесса, рассматривается постмодернизмом как совокупность текстов, требующих соответствующей расшифровки, текстологической интерпретации. При этом должен учитываться не только буквальный (денотативный) смысл, заключенный в величайших памятниках художественной литературы, изобразительного искусства, архитектуры, выдающихся технических проектах, но и все многообразие исторических коннотаций, субъективных факторов, личностных предпочтений. В результате возникает хаос дискурсивных практик, призванный прийти на смену линейной «научно-рационалистической» концепции справедливости. В этой хаотичности, принципиальной множественности, по мысли «классиков» постмодерна, может быть скрыт некий позитивный смысл, призванный дать человечеству новые, более адекватные ориентиры дальнейшего развития. Этот смысл способен выявиться только в условиях полного отсутствия какого бы то ни было диктата со стороны «науки», при свободном обмене мнениями, взаимовыгодном сотрудничестве различных эпистем. Научный дискурс, согласно принципам деконструкции, рассматривается как один из видов текста, равноценный с любыми другими «стилями письма», созданный по законам своего «художественного жанра», который должен оцениваться только с позиций категории «эстетического» и осуществлять равноправный диалог с любыми иными типами дискурса, реализуя тем самым обновленный смысл справедливости.

Меняется сущностный характер нарративных практик [18], в структуре повествования вместо линейной логоцентристской модели возникает полифония, принципиальная множественность текстуальных интерпретаций. На смену монополии «голоса» приходит идея «письма», допускающего одновременное высказывание различных мнений, их поливариантное сосуществование, «наука – грамматология – везде в мире делает решающие усилия для своего освобождения» [19]. Говорит всегда

один человек, устанавливая, тем самым, ситуацию «монолога», навязывая свою точку зрения окружающим, которые могут только слушать сказанное, либо, перебивая говорящего, пытаться тоже занять доминирующее положение (что порождает на психологическом уровне враждебность и конфронтацию). Грамматология же позволяет одновременно обмениваться информацией в форме «письма», более гуманно и демократично, реализуя принципы справедливого взаимовыгодного «диалога».

«Древесная» структура уступает место художественному образу «ризомы», грибницы, стелющейся по земле и дающей множество равноценных отростков. Вместо «бинарных оппозиций», из которых одна всегда представляет «ствол дерева», доминирует над «ветвями» и «листьями», как над чем-то второстепенным, появляется множество равноправных и равноценных концепций, отношения между которыми обладают полифоничным звучанием, формируют обновленный образ справедливости.

Понятие «смерть автора» предполагает отказ от жестко заданной смысловой и сюжетной линии текста, которую предстоит воспринять читателю, расшифровать ее в своем сознании. В рамках деконструкции текстологическая интерпретация получает такую же значимость, как и авторская позиция, доминирующая фигура «автора» размывается среди бесконечного множества вариантов прочтения. В результате возникают многомерность, многоплановость текстов, их нелинейность, появляется «хаос дискурсивных практик», который трактуется в положительном смысле, позволяет выявить бесконечное множество иных, более целесообразных путей социального развития. Все эти процессы постепенно наполняются реальным содержанием в духовной культуре современного человечества, «политика, в которой будут равно уважаться стремление к справедливости и стремление к неизвестному, обретает свои очертания» [20].

ВЫВОД

Философски осмысливая указанные процессы, постмодернизм раскрывает сущность «новой рациональности», призванной вернуть науке и современной технологии гуманистический статус, во многом утраченный в XX в., в эпоху мирового противостояния и глобальных кон-

фликтов, позволить им на равных сотрудничать в другими видами дискурса, не подавляя их, сохраняя все богатство и многообразие культурных традиций. На примере постмодернизма приходится признать, что философия в начале третьего тысячелетия сохраняет и расширяет свою позитивную функцию в развитии мировой духовной культуры, продолжает вести человечество по пути прогресса и гуманизма. На основе принципов деконструкции формируется обновленный, более адекватный современности, призванный совместными усилиями эффективно решать глобальные техногенные проблемы, идеал справедливости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деррида Ж. Позиции. – Киев, 1996. – С. 91.
2. Gert J.J. Biesta. Jacques Derrida: Deconstruction = justice // Futures of critical theory: Dreams of difference / edited by Michael Peters, Mark Olssen, and Colin Lankshear. – Lanham, Md.; Oxford: Rowman & Littlefield, 2003. – 296 p.
3. Michael Peters. «Anti-globalization» and Guattari's three ecologies // The same issue.
4. Denise Gege-Kuehne. Levinas's ethico-political order of human proximity: «the quest for justice» // The same issue.
5. Peter Pericles Trifonas. The postmodern condition: Lyotard's futurology // The same issue.
6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М., 2000. – С. 113.
7. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. – СПб., 1994. – С. 70, 90–92, 326.
8. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994.
9. Gender and theory: Feminism / postmodernism. – N.Y., 1990.
10. Кристева Ю. Силы ужаса: Эссе об отвращении. – СПб., 2003.
11. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. – СПб., 1997.
12. Elizabeth Grosz. The time of violence: deconstruction and value // Violence and body: race, gender, and the state / edited by Arturo J. Aldama; foreword by Alfred Arteaga. – Bloomington: Indiana University Press, 2003. – 453 p.
13. Делез Ж. Логика смысла. – М.; Екатеринбург, 1998.
14. Christopher Palmer. Philip K. Dick: exhilaration and terror of the postmodern. – Liverpool: Liverpool University Press, 2003. – 259 p.
15. Nancy E. Riley and James McCarthy. Demography in age of the postmodern. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2003. – 119 p.
16. David B. Clarke. The consumer society and the postmodern city. – London; New York: Routledge, 2003. – 268 p.
17. Thomas J. Mickey. Deconstructing public relations: public relations criticism. – Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 2003. – 167 p.
18. Daniel Punday. Narrative after deconstruction. – Albany: State University of New York Press, 2003. – 194 p.
19. Деррида Ж. О грамматологии. – М., 2000. – С. 117.
20. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.; СПб., 1998. – С. 159.